

врачи и сестры жили въ вагонѣ третьяго класса, а санитары помѣщались на платформахъ вмѣстѣ съ послѣднимъ грузомъ отряда, отправленнымъ изъ Хайчена, не было возможности вслѣдствіе загроможденія путей станціи получить свои вагоны для разгрузки. Эти дни можно считать одними изъ самыхъ тяжелыхъ для отряда. Вынужденная бездѣятельность, соединенная съ невозможной обстановкой въ необыкновенно душномъ и грязномъ вагонѣ, дурное поведение санитаровъ, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, воспользовавшихся отсутствіемъ надзора и предававшихся эти дни пьянству и картежной игрѣ между собою и съ разными темными личностями, частые дожди, перемежавшіеся ливнями и грозившіе въ конецъ испортить палатки и другое имущество, лежавшее на открытыхъ платформахъ, все это вмѣстѣ заставляло съ нетерпѣніемъ ожидать возможности хоть какъ-нибудь устроиться. И потому, когда въ четвертый день пребыванія въ Ляоянѣ отряду было предложено ѣхать въ Мукденъ, а оттуда зѣ верстѣ съ юго-востоку отъ него на вновь открывающійся этапный пунктъ, то немедленно же были сдѣланы всѣ распоряженія къ отъѣзду. Но вечеромъ, передъ отходомъ поѣзда, пришелъ князь Львовъ съ сообщеніемъ, что на предложенный намъ этапъ ѣхать нельзя, такъ какъ въ той мѣстности немало хунгузовъ и встрѣчаются японскіе разъѣзды, конвоя же отряду дать не могутъ. Въ виду этого намъ предлагаютъ устроиваться въ Мукденъ.

Ночью отрядъ выѣхалъ и прибылъ въ Мукденъ 25 іюля вечеромъ. Въ виду необходимости тотчасъ по пріѣздѣ освободить свой вагонъ, отряду предстояло провести ночь подъ открытымъ небомъ между путями станціи. Выручилъ его изъ этого неудобнаго положенія русско-голландскій отрядъ, уже разбившій свои палатки саженьяхъ въ ста отъ вокзала. Съ глубокою благодарностью приняли мы приглашеніе уполномоченнаго и старшаго врача русско-голландскаго отряда, доктора Рененкампа, и пользовались его гостепріимствомъ двѣ ночи и одинъ день, пока не получили своихъ вагоновъ къ разгрузкѣ. 27 іюля отрядъ началъ разставлять свои палатки рядомъ съ голландцами, а 28, когда дѣло подходило уже къ концу, получена была телеграмма князя Львова съ предупрежденіемъ возможности быть передвинутыми на-дняхъ къ сѣверу. На слѣдующее утро пришло распоряженіе всѣмъ госпиталямъ развертываться сѣвернѣе Тьелина. Чтобы окончательно выяснитъ свое положеніе, уполномоченный Овсянко-Куликовскій поѣхалъ въ Ляоянъ. Въ Ляоянѣ было разрѣшено Курскому отряду оставаться пока въ Мукденѣ, но „на свой рискъ“. Послѣ этого былъ открытъ пріемъ больныхъ, которыми госпиталь вскорѣ и заполнился. Здѣсь работа была уже гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ Хайченѣ, и лѣченіе больныхъ, благодаря отсутствію эвакуацій, приняло болѣе госпитальный характеръ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней въ Мукденѣ пришлось принять относительно санитаря Дремова вслѣдствіе его упорнаго дурнаго поведения самую крутую мѣру—высылку его по этапу на родину. Повидимому, наказаніе, постигшее одного, до нѣкоторой степени образумило и остальныхъ, такъ какъ съ этого времени поведение санитаровъ, хотя далеко безупречное, все же становится лучше.

Персоналъ отряда въ Мукденѣ хворалъ значительно меньше, чѣмъ въ Хайченѣ. Зато болѣзнь, переносимая лѣтомъ довольно легко, къ осени приняла болѣе упорный характеръ. Пятаго августа захворалъ врачъ Б. К. Бауеръ и хотя сталъ поправляться черезъ 10 дней, но повышеніе температуры продолжалось чуть не до конца августа. Съ